

пациентам. Деятельность этих врачей почти не нашла отражения в античных источниках, а то немногое, что удается узнать о них, извлекается из кратких попутных упоминаний древних авторов. Наиболее богатым такими упоминаниями для республиканского периода существования Рима оказалось литературное наследие Цицерона.

Примечания

¹ Выразительную картину рисует Марциал, изображая врача Симмаха со многими учениками у постели своего пациента: ученики не просто наблюдают за действиями учителя, но под его присмотром делают первые шаги непосредственного осмотра и лечения больного (Mart., V, 9).

² В древности не было аптек, и лекарства готовились либо самими врачами, либо приобретались у таких торговцев всевозможными снадобьями, каким был Люций Клодий. Эти pharmacoepoiata так прославились разными махинациями, что само их название стало синонимом слова «шарлатан».

³ Напомним, что первый профессиональный греческий врач — хирург Архагат — прибыл в Рим в 219 г. до н. э. (Plin., N. H., XXIX, 12). Вскоре он был изгнан из города, и после этого долгое время греческие врачи не появлялись в Италии (Plin., N. H., XXIX, 16). Крайне отрицательно относился к профессиональным врачам Катон Старший. Его проклятия в адрес греческих врачей приведены в «Естественной истории» Плиния (Plin., N. H., XXIX, 14).

⁴ Нахов И. М. Цицерон и греческая культура. — В кн.: Цицерон. М., 1959, с. 74.

⁵ Об этом свидетельствуют высказывания знаменитых ораторов Красса и Антония (Cic., De or., II, 4).

⁶ См. об этом: Oksala P. Die griechischen Lehnwörter in den Prosaschriften Cicero's. Helsinki, 1953.

⁷ Ср.: Fin., I, 42; Div., I, 112; II, 13, 16, 23, 145; Rep., I, 62; V, 5. Такие сравнения широко использовались греческими писателями и отсюда перешли в римскую литературу.

⁸ В 46 г. до н. э., удаляя из Рима в колонии 80 тыс. чужеземцев, Цезарь сделал исключение для врачей и учителей. При этом он даже даровал им римское гражданство и поощрял прибытие новых специалистов (Suet., Caes., 42). В том же направлении развивал свою политику в отношении врачей и Август (Suet., Aug., 42).

Н. И. СТЕПАНОВ

МАКЕДОНИЗМЫ В ТЕКСТАХ НОВОАТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

О фактическом состоянии древнемакедонского языка, синхронного эпохе эллинизма, современная наука располагает данными очень скудными и во многом неясными. Мы имеем дело со случайными примерами слов, собранными греческими лексикографами (Америом, Гесихием и др.), с редкими словами, которые по каким-либо причинам отмечались и приводились на-

ряду с диалектными греческими или иноязычными словами. Возможность открытия какого-нибудь связного древнемакедонского текста маловероятна. Вопрос о характере этого языка в наши дни нельзя считать окончательно и убедительно решенным. Более того, казалось бы, можно согласиться с мнением А. Мейе,¹ утверждавшего, что было бы бесполезно обсуждать такой вопрос, который при состоянии современных данных не может быть разрешен и который, однако, разрешился бы сразу, если бы случай доставил нам хотя бы десятистрочный текст, содержащий связное предложение.

В специальных работах, посвященных изучению древнемакедонских языковых материалов, как правило, содержится обобщение этимологического обследования македонских глосс. Кроме уже безнадежно устаревшей книги Ф. В. Штурца «О диалекте македонском и александрийском»² следует отметить работу О. Гофмана «Македонцы, их язык и их народность»³ монографию профессора Афинского университета Ж. Каллериса «Древние македонцы. Исследование лингвистическое и историческое»⁴ и кандидатскую диссертацию Ч. Погирка «Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому».⁵ В указанных трудах предприняты попытки дать общее определение синхронного состояния древнемакедонского языка и обозначить его отношение к древнегреческим диалектам и к диалектам и языкам народов на Балканах того времени.

Не отказываясь от возможности изучать античный македонский языковой материал, как на том настаивал А. Мейе, но и не предпрещая многих кардинальных заключений на основе скудных источников, как то имеет место в вышеприведенных исследованиях, вероятно, следует вновь и вновь обращаться к античным текстам, сохраняющим те или иные единицы из лексикона греков, о которых мы прямо или косвенно можем предполагать, что это слова македонского узуса. Результаты, полученные методом этимологического прочтения глосс, приводимых у Гесихия, Афиней, Фриниха и Поллукса, возможно пополнить путем сопоставительного прочтения античных авторских текстов, содержащих словарные единицы, называемые условно по их употребительности «македонскими» или даже «македонизмами». Такие наблюдения над словарем текстов новоаттической комедии и предлагаются в настоящей статье.

1. Πόθεν, Μένανδρος, συστίρατ τὸν τοσούτων ὀνομάτων συρφετὸν αἰσχροῦναι τὴν πατρῶν φωνήν (Phr. ecl., § 400, p. 497). С этим упреком аттициста порою приходится считаться в практике издания текстов Менандра. Примером тому является колляция каирской рукописи папируса со стихами пьесы «Отрезанная коса» в изданиях, которые выполнили ван Лесвен в 1908 г., Зюдхаус в 1909 г., А. Кёрте в 1911—1912 гг. вскоре после опубликования каирского папируса Менандра Г. Лефевром в 1905 г., в сравнении с вариантами прочтения того же текста в рецензии Хр.

Енсена в 1929 г. и в издании Кёрте—Тирфельдера в 1957 г., после того как уже была учтена сравнительно большая текстологическая литература к этому произведению Менандра.

Среди загадок плохо сохранившегося в рукописи текста пьесы «Отрезанная коса» многочисленные *lectiones difficiles* встречаются в стихах 164—216, в так называемой сцене ссоры. В свое время Б. В. Варнеке⁶ отметил по этому поводу: «Следующие тридцать строк так испорчены, что перевод, даже наощупь, невозможен». Читателю сегодня⁷ эта сцена представляется в стихах диалога двух персонажей, реплики которых объединены темой, казалось бы, ясно заданной ситуации взаимных упреков и угроз из-за похищения Гликеры. Но вряд ли можно быть уверенным в том, что здесь нами прочитаны *ipsa verba* Менандри. Остается еще многое спорным и неясным и в характеристике действующих в этой сцене персонажей, и в их количестве, т. е. в членении реплик диалога, и в прочтении многих слов диалога.

Особенно спорными в критике текста оказались попытки восстановить содержание стихов 204—206 в интересующей нас сцене. Воспроизведем варианты чтения этих строф в хронологическом порядке изданий текста для того, чтобы оценить вероятность решения текстологической задачи в последней по времени рецензии А. Кёрте: 1) Каирская рукопись в издании Г. Лефевра: *παλινοικουντες . . . χουκ . . . ομε . . . οιληφομαισαρχαλλ;* 2) стих 206 в издании ван Леевена⁸: (Πολ) *παλιν | οικοδντες . . . χου . . . οιληφομαι | σαρχ'*. (Δα) *αλλ'απαγ'ες κορακας . . .*; 3) то же место в интерпретации З. Зюдхауса⁹: (Σ) *παλιν | οικοδντες ωχου και | ιιορε|ντη|σου ληφομαι | σαρχ'* (Δα) *αλλ'απαγ' . . .*; 4) те же строки в истолковании К. Фр. Шмидтом¹⁰:

(Δ) *επαϊζον, σακατοφάγος (τις) ει.* (Σ) *παλιν οικοδντος ωχου, καθά με <δει>, σοδ ληφομαι σαρχ'.* (Δ) *αλλ'απαγ'ες κορακας . . .*

В дальнейшем, однако, потребовалась конъектура в начале стиха 206, отказ от рукописного варианта чтения *σαρχά*, предложение читать эти литеры как слово *σαρισ(α)ν*.¹¹ В издании же К. Кёрте-А. Тирфельдера стихи данной сцены приведены в общепринятом теперь варианте чтения в таком виде: (Σω) *παλιν | οικοδντες.* (Δα) *αλλ' ουκ εχομε|ν.* (Σω) *[α|ι|β|οι, ληφομαι | σαρισαν.* (Δα) *απαγ'ες κορακας . . .*

Так, в индекс слов к пьесам Менандра введена еще одна единица из разряда *απαξ λεγόμενον* — македонского толка слово *σαρισα*.

Косвенное доказательство правомерности чтения этого слова у Менандра может дать сравнение контекстов сцены в стихах 164—216 из «Отрезанной косы» с «Девятым диалогом гетер» Лукиана.¹² Можно было бы и согласиться с мнением Б. В. Варнеке¹³ о том, что единственная связь между комедией Менандра и «Диалогом» Лукиана — только имя Полемона,

остальное — случайное совпадение, если при этом игнорировать такие текстовые совпадения, как соотношение действующих лиц: Полемон и его сотоварищ Сосия — в противоположность слуге Даву в пьесе «Отрезанная коса»; Полемон и его подчиненный Парменом — в противоположность Филострату в «Диалоге» Лукиана; Полемон, определяемый как *μυθοφόρος, τετραδραχμος*, и Сосия — этот *ξένος, τετράβολος*, по пьесе Менандра, и Полемон из «Диалога» Лукиана, награждаемый бранными прозвищами *μυθοφόρος, διμοιρίτης*. Тем более неожиданным при таком внешнем совпадении сопоставляемых контекстов окажется различие в словах, заключающих реплики спора: *λήφομαι σαρχά* и *επειδάν προσιόντας ήμās επί δόρυ θεάσθη*. Включение же самого слова *σαρισα* 'македонского образца копье'¹⁴ не будет актом, неприемлемым для лексикона новоаттической комедии, и в частности для словаря пьес Менандра. Напротив, оно лишь пополнит количество слов македонского узуса в наших текстах. Среди них хорошо засвидетельствованы многие. Например, *αορταί· επιφιστήρ* 'перевязь или ножны' (όπό Μακεδόνων, по Гесихию). Это слово мы читаем по фрагменту Менандра (CAF, III, 2, 96, 331). *'Αορταί.* (τό) *αγγος δερμάτινον ιματίων* 'кожаный выток в армейском багаже', как следует из перечня вещей по фрагменту из пьесы Посидиппа (CAF, III, 2, 338, 10). Слово *καυσία*, о котором Поллукс замечает: *πίλος Μακεδονικός παρά Μενάνδρω* (CAF, III, 2, 96, 331), а также *σχοιδος· ταρίας τις και διοικητής, Μακεδονικόν δε τούνομα* (CAF III, 2, 81, 289).

II. Степень освоенности определенных иноязычных элементов словаря, взаимоотношение иноязычных новаций с исконными лексическими единицами определяется таким приемом включения нового слова в речевой обиход, как устойчивое дополнительное указание говорящим на место экспорта, место производства, место первоначального бытования вещи, а следовательно, и слова. Такой способ маркировки слова, обозначающего своеобразную вещь, новую или уже привычную для упоминающего о ней или называющего ее, широко представлен в текстах фрагментов новой комедии. Одним из примеров этого явления в речи может быть контекст фрагмента из пьесы Филемона «Сицилиец» (FAC, III, A, 36—38). Характерно, что наряду с исконными греческими наименованиями: *λέβης· εἶξ 'Αργους, οἶνος Φλιάσιος, στρώματα ἐκ Κορίνθου, ἰχθῆς Σικυονος, τρυφός Σικελικός, ἐγγέλεις Βοιωτιαί* (CAF, II, 115, 236), точно также маркируются и многие иноязычные наименования: *πέπ·ρι Λιβυκόν* (CAF, II, 294, 3), *κάνο(α)υλος Λυδικός* (CAF, II, 361, 172), *καυλός Λίβος* (CAF, II, 106, 217), *μόρον ἐκ τῆς Συρίας* (CAF, II, 97, 202).

В этом отношении единственным в своем роде для наших текстов оказывается случай маркировки так называемого македонского слова пометой «что—откуда» для зрителей театра в Александрии. Афиней (14, 664 а—в), отметив, что Махон(т) из Сикиона ставил пьесы не в Афинах, а в Александрии, цитирует

Примечания

- ¹ Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 1928, p. 58.
- ² Sturzius F. W. De dialecto Macedonica et Alexandrina liber. Lipsiae, 1808.
- ³ Hoffmann O. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906.
- ⁴ Kalleris J. N. Les anciens Macédoniens. Étude linguistique et historique, t. I. Athènes, 1954.
- ⁵ Погирк Ч. Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому. Канд. дис. Л., 1958 (Научная библиотека им. М. Горького).
- ⁶ Варнеке Б. В. Новые комедии Менандра. Казань, 1909, с. 50.
- ⁷ Текст цитируется по изданию А. Кёрте — А. Тирфельдера: *Menandri quae supersunt, pars prior*. Ed. A. Koerte, add. A. Thierfelder. Lipsiae, 1957, p. 56—57, ver. 197—207.
- ⁸ *Menandri quattuor fabularum fragmenta*. Ed. J. van. Leeuwen. Lugduni Batavorum, 1908, p. 60—61.
- ⁹ Sudhaus S. Der Kampf um die Perikeiromene. — "Rheinisches Museum für Philologie". Frankfurt am Main, 1906, Neue Folge, Bd. 46, H. 3, S. 417.
- ¹⁰ Schmidt K. Fr. Menanders Perikeiromene. — "Hermes", 1909, Bd. 44, H. 3, S. 423.
- ¹¹ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Menander von Kairo. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. 21—22, H. 1. Leipzig, 1908, S. 34—62.
- ¹² *Luciani Samosatensis Opera ex rec. C. Jacobitz*. Vol. III, pars 2: *dialogi meretricii eqs.* Lipsiae, 1891, p. 254—255.
- ¹³ Варнеке Б. В. Новые комедии Менандра, с. 61.
- ¹⁴ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1967, Lief. 18, S. 678 ff.
- ¹⁵ Погирк Ч. Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому, с. 73.

Е. И. ЧЕКАЛОВА

К ПРОБЛЕМЕ СТИХОТВОРНОЙ ФОРМЫ ПОЭМЫ ЛУКРЕЦИЯ «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»

Среди многочисленных проблем в лукрециане особое внимание привлекает проблема стихотворной формы, связанная со стремлением выяснить, как столь убежденный последователь Эпикура, каким является Лукреций, мог избрать поэтическую форму для распространения философской доктрины своего учителя.¹ Ведь Эпикур считал занятие поэзией недостойным мудреца (Diog. Laert. X, 121), а Лукреций, излагая учение греческого философа, пользуется именно стихотворной формой. В исследованиях приводится целый ряд почерпнутых из самой поэмы соображений, дающих возможность судить об отношении Лукреция к поэзии. Это и высокая оценка поэтического наследия Гомера, Энния, Эмпедокла, и указание на стремление самого Лукреция к поэтической славе, и демонстрация отрывков